

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 5—6

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

В обеих обсуждаемых работах разбирается множество слов невыясненного происхождения, и естественно, что при таких обстоятельствах в них часто нет единого взгляда на них. Так, напр., слово «левый» акад. Pelliot читает *jöng*, считая его, может быть, монгольским заимствованием, в то время как проф. Bang его читает *éong* с тем же значением. Таким образом, обе статьи взаимно дополняют друг друга, доказывая с другой стороны, что многие вопросы, затронутые в них, и теперь еще не могут считаться разрешенными окончательно. Хотя работа акад. Pelliot по объему значительно превышает статью проф. Bang'a, они друг другу не уступают по той причине, что в статье проф. Bang'a затронуты самые главные и действительно спорные места, в то время, как акад. Pelliot с одинаковым вниманием отнесся и к разным деталям, не представляющим собою чего-либо особенного или трудного.

Н. Понне.

P. Schmidt. Chinesische Elemente im Mandschu.
Asia Major, vol. VII, fasc. 4, стр. 573—628;
vol. VIII, fasc. 3, стр. 233—436.

Несмотря на то, что манчжурский язык принадлежит к разряду тех восточных языков, которые начали изучаться европейцами, когда те еще только впервые столкнулись с Дальним Востоком, он все же принадлежит к наименее подвергшимся исследованию со стороны лингвистов. Отношения манчжурского языка к другим изучались лишь очень немногими. Так, напр., одной из наиболее ранних работ в области сравнительного изучения манчжурского и других языков является статья P. Schmidt'a, *Der Lautwandel im Mandschu und Mongolischen.*

(Peking Oriental Society Journal, vol. IV, Peking, 1898).

Впоследствии к ней прибавилась большая статья Г. Д. Санжеева «Манчжуро-монгольские языковые параллели» (Изв. Акад. Наук СССР по ОГН, 1930, стр. 601—626, 673—708) и W. Bang'a, *Türkisches Lehngut im Mandschurischen* (Ungarische Jahrbücher, IV, S. 15—19). Помимо этого данные манчжурского языка посылно привлекались авторами различных исследований монгольских и тунгусских языков. Специально манчжурским языком, с точки зрения исторической грамматики, занимались очень мало. Совершенно не занимались в частности вопросом о китайских элементах в манчжурском языке.

Манчжуры настолько давно пришли в тесное соприкосновение с китайской культурой и китайской языковой стихией, что в язык их проникло весьма значительное количество китайских элементов. Факт этот общеизвестен, тем не менее до сих пор никто не дал себе труда систематизировать этот материал и сделать какие-нибудь выводы из него. Почин в этом деле принадлежит проф. Schmidt'у, и это является уже несомненной заслугой.

В вводной части своей интересной работы автор снова возвращается к неоднократно обсуждавшемуся вопросу о взаимных отношениях так называемых алтайских языков. Устанавливая много общих для них черт, автор воздерживается пока от окончательного суждения о том, является ли родство их праязыковым или благоприобретенным в процессе взаимодействий (стр. 574). Автор все же делает на наш взгляд излишний упор на то, что большинство слов, общих для монгольских, тюркских и манчжуротунгусских языков, представляет собою заимствования. Поскольку языки эти, как

можно думать теперь, стали «родственными» друг другу лишь с течением времени и от несходства пришли к большой близости, неизбежным является, что словарный запас их в большинстве случаев представляет собою своего рода перекрестные заимствования, правда, не в том смысле, в каком заимствования обычно противопоставляются «пряязыковому» «исконному» запасу слов. Вернее всего во многих случаях мы имеем даже не заимствования, но слова, возникшие в процессе экономического и культурного сотрудничества племен, легших в основу будущих монгольских, тюркских и т. п. народностей.

Перечисляя специфические особенности так называемых алтайских языков, автор несколько излишне подчеркивает фонетические особенности их. Так, напр., наличие или отсутствие тех или иных звуков на наш взгляд не является серьезным критерием. В частности можем рассеять сомнения автора (стр. 575) относительно того, имеются ли в тунгусских языках велярные согласные: на месте тюркских *q* и *k* мы имеем только *k*, но зато имеется *γ* и *g*. Правда, *γ* и *g* здесь функционируют иначе, чем в тюркских языках, поскольку *γ* наблюдается лишь в середине и в конце слов (даже с передним вокализмом). Гораздо существеннее, чем наличие или отсутствие тех или иных согласных, — особенности морфологии. Так, напр., мы считаем чрезвычайно характерной чертой тунгусских и монгольских языков наличие лично- и возвратно-притяжательных суффиксов, из которых вторые отсутствуют в тюркских и в так называемых уральских языках. Далее, существенным является в этих же языках наличие включительного и исключительного местоимения 1-го лица множественного числа и в особенности так называемое «двойное скло-

нение». Наконец, характерным является несовпадение номинатива многих личных местоимений с основой склонения и т. д. Автор совершенно прав, когда он полагает, что связь между манчжурским, тунгусскими и монгольскими языками более тесная, чем монгольских с тюркскими (стр. 576). Вышеприведенные нами факты полностью подтверждают это.

Говоря о делении алтайских языков и об их классификации (стр. 576), автор прав, когда отрицает принадлежность дагурского языка к манчжуро-тунгусской группе. Он, однако, ошибается, когда считает дагурский язык близким к бурятскому. В настоящее время можно считать окончательно доказанным тот факт, что дагурский язык представляет собою очень архаичный монгольский язык, ближе всего стоящий к монгольским языкам XIII—XIV ст., по которым дошли до нас различные памятники.

Все еще не выясненным оставался до самого последнего времени вопрос о фонетическом значении написаний знаками манчжурского алфавита. Автор вносит ясность и в этот вопрос. В частности он правильно передает манчжурское *uwe* через *uō*: точнее это даже *ū*, типа монгольского в слове халх. *Вᠦ* (*buu*) 'шаман'.

В ряде частных вопросов автор неправ. Большая часть его промахов относится к устанавливаемым им этимологиям и сопоставлениям манчжурских форм с таковыми других языков. Так, напр., более старой формой для монг. *mongγol*, вопреки автору, является *mongyal*, а не *monγul* (стр. 580). Слова монг. *dotur* 'внутренность' и *dumda* 'середина' не имеют ничего общего между собою и корни их разные, между тем как автор склонен их возводить к одному корню (стр. 580). Автор полагает (там же), что

в маньчжурском языке произошло озвончение *x*, в положении между гласными давшего *g*, напр., *salixan* > *salixan*. Наряду с этим он устанавливает случаи, в которых, наоборот, появилось оглушение этого *g*. В этом он безусловно прав: в монгольских языках произошло совершенно то же самое, ср. бурятск. *doxōlxō* 'хромать' < *doxol-* и т. д. В частности, в монгольских языках XIII—XIV ст. *γ* в случаях, когда он между гласными сохраняется, часто дает *g*, напр. *ayaga* 'чашка' и т. п. Некоторые относящиеся сюда примеры, из числа приводимых автором, все же неверны: монг. *čayan* 'белый' и *geden* 'ясный' не восходят к формам с *η. Далее, нужно исправить еще одно недоразумение: теленгитское слово *ноҕон* 'зеленый' обнаруживает вторичный *η*, и слово это несомненно монгольского происхождения < *ноγон*. Монгольский суффикс *-γан* (ср. *tarbaγan* и т. п.) не восходит к *-ган*, что же касается того, что *γ* здесь не исчез, то таких случаев очень много: ср. бурятск. *xur'iyān* 'палец' = халх. *xurū* и т. п.

Неправильно также сопоставление монг. *čikin* 'ухо' и маньчж. *šan* 'ухо'. Слова эти совершенно различные и не сводимы. На недоразумении основано устанавливаемое автором соответствие ольча *p* = тюркск. *p* в начале слова, в доказательство чего приводятся уйгурск. *paγir* 'печень' = ольча *pa* (стр. 584). По этому поводу следует заметить, что уйгурский язык в начале слова не имел *p* и что форма *paγir* является просто неверно транскрибированной Радловым, который каждый *b* уйгурского языка в начале слова транскрибировал как *p*, подгоняя такие формы под фонетику алтайского (ойротского) и теленгитского языков. Что касается монгольского *b*, соответствующего ман-

чжурскому *f* в середине слова, то автор ошибается, когда полагает, что монгольский *b* развился из *p* (стр. 585). На самом деле здесь отношение обратное и маньчжурский *f* развился из *b*. Интересно наблюдение автора над переходом *d(t)* в *r*. К приводимым автором примерам (стр. 591) можно прибавить еще тот факт, что в солонском и в дагурском каждый закрывающий слог согласный стремится превратиться в *r*, напр., даг. *xodir* 'колодец' и т. п. С другой стороны, в солонском наблюдается последовательная ассимиляция двух соседних согласных, напр., *garpa-* 'стрелять' < *garpa-* и т. д.

Приводятся многочисленные примеры чередований *l* и *r* (стр. 589). Повидимому, это явление того же порядка, что в корейском, где есть фонема *r/l*, реализующаяся в зависимости от условий по-разному.

Автор склонен считать обычай обозначать старшего и младшего брата различными словами заимствованными у китайцев (стр. 592). Между тем классификационная система родства является ведь одной из наиболее характерных особенностей так называемых алтайских народов. Автор неверно возводит титул *xaγan* к *xawan < кит. (стр. 592). Титул *qaγan* является очень старым гунско-аварским и впоследствии был известен хазарам и целому ряду народов, не имея ничего общего с маньчж. *xaγan*. Зато автор прав, возводя тюркск. *biti-*, монг. *biči-* 'писать' к тохарскому *pide*, в то время как раньше эти слова производились от китайского слова, обозначающего 'кисть'.

Особенно интересны наблюдения автора над маньчжурскими неологизмами, представляющими собою во многих случаях переводные заимствования с китайского или калькированные образования (стр. 594).

Во многих случаях китайское происхождение приписывается корейским и монгольским словам напрасно: так, напр., монг. *ноууан* 'зеленый' с китайским *lǜ* не имеет ничего общего. Многие монгольские и тюркские слова автор транскрибирует неправильно: так, напр., вместо тюрк. *purqan* 'будда' следует *burqan* (стр. 596), вместо монг. *ildar* 'случай' (стр. 590) следует *ilder* и т. д.

За вводной частью следует словарь китайских заимствований в манчжурском языке. Чтобы его оценить по заслугам и отметить с другой стороны недочеты, необходимо основательное знакомство с китайским языком. Не претендуя на это, мы можем лишь заметить, что собранный материал чрезвычайно богат и в большинстве случаев возбуждает полное доверие.

В общем, несмотря на ряд более или менее крупных недочетов, работу проф. Schmidt'a можно лишь приветствовать. Область, которой он посвятил свое внимание, настолько еще мало разработана, что отдельные промахи, даже крупные, совершенно неизбежны.

В заключение укажем, что работа эта является весьма актуальной. Теперь, когда в Манчжурии происходят очень крупные события и страна эта оказывается отделенной от прочего Китая, очень интересным является проследить на фактах языка, насколько Манчжурия действительно органически никак не сослася с остальным Китаем. Факты языкознания в данном случае подтверждают обратное и являются еще одним лишним доказательством того, что связи эти гораздо более глубокие, чем это часто утверждают.

Н. Понне.

Ligeti, Louis. Rapport préliminaire d'un voyage d'exploration fait en Mongolie Chinoise 1928—1931. Publié par la Société Kőrösi-Csoma. Budapest, 1933, 64 p. en 8°.

Путешествия с целью изучения монгольского языка и памятников литературы и истории монголов еще недавно принадлежали в Европе к редким явлениям. Отчет д-ра Ligeti о путешествии, совершенном им в течение 1928—1931 гг., наряду с работами других лиц, свидетельствует о том, что западно-европейское монголоведение сдвинулось с мертвой точки, и работы эти сразу восполнили целый ряд пробелов, существовавших не только в западноевропейском, но и советском монголоведении.

Автор интересующего нас отчета посетил наиболее недоступные, а потому и особенно интересные места. О Внутренней Монголии мы мало знаем. За истекший период своей истории монголоведение преимущественно занималось изучением Внешней Монголии, Бурятии и Калмыкии. Лишь изредка и случайно удавалось ставить исследования в других областях монгольского мира. С д-ром Ligeti можно отчасти согласиться, когда он говорит, что создается впечатление, будто монголоведение избегало всего того, что лежало за пределами основных районов исследований, и когда он с полным правом выступает против такой точки зрения на задачи монголоведения (стр. 7). Такая точка зрения действительно заслужила бы самого резкого осуждения. Впрочем, нужно заметить, наше монголоведение никогда не отмежевывалось сознательно от изучения Внутренней Монголии. Правда, оно вполне сознательно ограничивалось на первых порах изучением Внешней Монголии, Бурятии и Калмыкии, поскольку последние всегда были гораздо более доступными для него и поскольку нужно